

Интеллектуальная история среди других гуманитарных направлений

Сергей Зенкин

Семиотика культуры и интеллектуальная история

Sergey Zenkin

Semiotics of culture and intellectual history

Сергей Зенкин (Российский государственный гуманитарный университет, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, главный научный сотрудник; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук, департамент филологии, профессор; Свободный университет, профессор; доктор филологических наук) sergezenkine@hotmail.com.

Ключевые слова: семиотика культуры, интеллектуальная история, синхрония.

УДК: 80+82+93

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_273

В статье предпринята попытка методологического сопоставления двух дисциплин — семиотики культуры, разработанной в Советском Союзе в 1970—1980-х годах, и интеллектуальной истории, интенсивно развивающейся в мире в наши дни. Параметрами сопоставления служат трансдисциплинарность, широта эмпирического материала, синхронный (ненарративный) подход к истории, связь с актуальными задачами общества (на примере научного творчества Карло Гинзбурга и Михаила Ямпольского). Исторически интеллектуальная история не является непосредственной наследницей семиотики культуры, она складывалась параллельно и не всегда в прямом взаимодействии с нею, но некоторые направления современной интеллектуальной истории находятся в отношении методологической конвергенции со структуральной семиотикой культуры.

Sergey Zenkin (Dr. Habil.; Chief Research Fellow, Institute for Higher Research in the Humanities, Russian State University for the Humanities; Professor, School of Arts and Humanities, HSE University (Saint Petersburg); Professor, Free University) sergezenkine@hotmail.com.

Key words: semiotics of culture, intellectual history, synchrony.

UDC: 80+82+93

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_273

The article attempts to methodologically compare two disciplines — the semiotics of culture, developed in the Soviet Union in the 1970—1980s, and intellectual history, which is rapidly developing in the world today. The comparison parameters are the transdisciplinarity, the breadth of empirical material, a synchronic (non-narrative) approach to history, the connection with the urgent problems of society (using the examples of the academic work of Carlo Ginzburg and Mikhail lampolsky). Historically, intellectual history is not a direct heir to the semiotics of culture; it developed in parallel and not always in direct interaction with it, but some trends of contemporary intellectual history converge methodologically with structural semiotics of culture.

Семиотика культуры, разработанная московско-тартуской школой в 1970—1980-х годах, стала одним из высших достижений гуманитарных наук Советского Союза. Сегодня, пытаясь описать интеллектуальное движение, происходившее в постсоветское тридцатилетие, мы неизбежно возвращаемся к этому научному направлению; контекстом ему должна служить не только отечественная, но и мировая эволюция научного знания.

Одной из методологических новаций семиотики культуры было то, что она стала первым в нашей науке *трансдисциплинарным* предприятием; это одна из причин, по которым ей невозможно дать строгое аналитическое определение, описать ее как специфическую «дисциплину». От широты ее предметов разбегались глаза, она стремилась к безграничной экспансии и была готова изучать самые разнородные сферы культурной деятельности, обыкновенно поделенные между разными дисциплинами: миф и карнавал, литературу и кино, формы царской власти и частное бытовое поведение людей. По такой «всеядности» с нею может сравниться только философия, умеющая размышлять по любому эмпирическому поводу, и еще... художественная литература, по-своему также способная разговаривать обо всем. В то же время семиотика культуры противостояла институциональным традициям академической науки, по сей день оберегающей дисциплинарные границы: негласно считается, что для каждого предмета есть своя наука и свой институт/факультет, диалог между которыми дается трудно, даже если их материал частично пересекается. В качестве примера можно назвать литературную науку и лингвистику, которые некогда составляли единое целое — филологию, — а сегодня едва ли не повернулись друг к другу спиной, следуя разным методам и решая разные задачи: одна занимается углубленной интерпретацией литературного канона, другая сосредоточена на проблемах языковой и межъязыковой коммуникации. Юрий Лотман еще в середине 1960-х годов констатировал этот дисциплинарный развод: «...единой науки, традиционно именуемой филологией, в настоящее время, откровенно говоря, не существует. Она уже более пятидесяти лет как разделилась на две вполне самостоятельные ветви — литературоведение и лингвистику» [Лотман 2018: 149]. Напротив того, эпоха структурализма, в которую и выросла семиотика культуры, стала последним до сих пор моментом активного сотрудничества этих двух дисциплин: теоретическая лингвистика послужила основанием для семиотической теории, далее приложенной к анализу литературы.

Семиотика культуры заняла необычную позицию в отношении *истории*. Она постоянно работала с материалом прошлого, часто с наследием древних культур, но никогда не пыталась описывать его в виде историографического нарратива. Ее лидеры — Юрий Лотман, Борис Успенский, Вяч. Вс. Иванов — прекрасно знали историю, но предпочитали нарративу «теоретическое», синхроническое или панхроническое представление материала, иллюстрируемое эффектными примерами из разных эпох прошлого: таковы историко-культурные анекдоты, щедро рассыпанные и оригинально интерпретируемые в работах Лотмана, или отдельные эпизоды — даже не события, а моментальные, синхронические срезы — из истории России, которые столь же оригинально анализировал Успенский (структура «царь — самозванец», самопредставление Петра I как Антихриста и т.д.). Нарративность еще допускалась при написании индивидуальных биографий (лотмановских биографий Пушкина и Карамзина), но какие-либо более широкие исторические повествования исключали-

лись — отчасти по цензурным соображениям, потому что они неизбежно пришли бы в противоречие с догматической версией истории, насаждавшейся в СССР, а отчасти, видимо, из-за недоверия к нарративной форме вообще: специалисты по семиотике сами анализировали строение этой формы в своих работах по теории литературы, были знакомы с критикой нарратива, принятой французскими структуралистами, и потому должны были отдавать себе отчет в условности и обманчивости всякого повествовательного изложения. Одним из источников их синхронического подхода явилась, наряду со структурной лингвистикой Соссюра, теория «долгой временной протяженности», выдвинутая французской исторической школой «Анналов». С научной точки зрения надежнее было не излагать историю культуры как закономерно развивающийся ход событий, а описывать ее как ряд относительно стабильных системных состояний (впоследствии Лотман дополнил такое описание теорией культурного «взрыва», перехода между разными синхронными состояниями).

Вообще, отчасти по причинам цензурного давления, а отчасти в силу своей трансдисциплинарной организации, советская семиотика культуры следовала «партизанской» тактике, действуя как бы в рассыпном строю: обычно она выбирала себе отдельные тематически и исторически выгодные предметы и избегала «линейных сражений» с догматическими концепциями официальной науки. Вместе с тем, в отличие от некоторых своих современников, например французских постструктуралистов, она старалась сохранять научную объективность, доказательность концепций и критическое отношение к идеологизированным «сильным теориям».

Семиотика культуры оказалась предприятием плодотворным, но недолговечным. Сегодня ее наследие фактически вновь поделено между несколькими дискурсами, среди которых один из главных — «культурология»; в различных ее направлениях встречаются и позитивные исследования, и спекулятивные и даже идеологизированные построения. Разработанные семиотикой культуры масштабные культурно-типологические категории сегодня чаще получают абстрактно-философскую интерпретацию, чем конкретно-эмпирическую разработку, а некоторые ее базовые понятия были опошлены в массовом языковом употреблении. Так, термин «структура», который семиотика культуры заимствовала из соссюрианской лингвистики и определяла как систему отношений между элементами, чья собственная природа не имеет значения, — сегодня в расхожем применении означает внутренне полные, обладающие собственным весом образования («коммерческие структуры», «силовые структуры»). Еще более показательна эволюция понятия «культурный код». Лотман подчеркивал *множественность* кодов, взаимодействующих в пространстве культуры: «...никакое мыслящее устройство не может быть одноструктурным и одноязычным: оно обязательно должно включать в себя разноразличные и взаимонепереводимые семиотические образования» [Лотман 1992: 36]. Последние сосуществуют в сознании людей даже одного сообщества и способны к развитию, скрещению и трансформации; мы выбираем свои культурные коды, свободно комбинируем и разрабатываем их, мы их творцы, а не рабы. Напротив того, в эссенциалистском и натурализующем дискурсе наших дней «культурным кодом» называют предполагаемый устойчивый прообраз, из века в век определяющий сознание той или иной общности, особенно нации; этот прообраз считается неизменным, словно «генетический код», через него

якобы раскрывается тайная программа духовной жизни людей (ср. выражение «код доступа»), и он раз навсегда зафиксирован, так что они не могут его изменить (ср. выражение «закодировать алкоголика»). Из легкого, подвижного «софтвера» культурный код переместился в тяжело-материальный «хардвер» культуры.

Как представляется, научным проектом, по ряду важных параметров заменяющим и продолжающим сегодня семиотику культуры, является — или, по крайней мере, могла бы быть — интеллектуальная история, новейший универсальный метаязык для описания разнообразных культурных фактов. В Советском Союзе такая дисциплина характерным образом отсутствовала, притом что, вообще говоря, изучать историю тех или иных идей прошлого не возбранялось (конечно, с должными идеологическими оценками). Догматизированная история не могла признать трансдисциплинарного подхода к материалу и не могла усвоить себе присущий интеллектуальной истории принцип эпистемологического нейтралитета (историю ложных идей изучают наравне с историей великих открытий — примерно так же, как мифы изучаются в семиотике культуры). Чтобы сделаться предметом интеллектуальной истории, историческая идея должна освободиться от конкретного культурного дискурса, где она могла фигурировать (скажем, от «истории философии», или «истории науки», или «истории религии»); она должна стать самостоятельной монадой, мигрирующей из одного дискурса в другой — из философской метафизики в политическую демагогию, из бытовой фразеологии в академическую терминологию, из религиозных догматов в художественную игру. Интеллектуальная история описывает не *филиацию*, а *адаптацию* идей, их реконтекстуализацию и перевод с одного социального языка на другой; для нее это как бы свободные радикалы, способные по случайным историческим причинам соединяться между собой.

В некоторых своих авторитетных направлениях — таких как Кембриджская школа или немецкая школа «истории понятий», — интеллектуальная история тяготеет к изучению *социально-политических* идей; они шире всего распространены в обществе и оттого более всего способны к вариациям и трансформациям. Но ей ничто не запрещает сосредоточиваться и на становлении идей более специальных, например научных, а вернее сказать — проследивать миграцию идей из «публичной» сферы в «специальную» и наоборот (образцом может служить история понятия «реакция», написанная Жаном Старобинским [Старобинский 2008]), рассматривать их не только в рамках узкой истории данной дисциплины, а через диалог разных наук. Среди последних особенно важным партнером в диалоге является философия — лаборатория спекулятивных понятий, которые могут далее наполняться эмпирическим содержанием в конкретных науках.

У подвижности исторических идей есть и еще один аспект: их выражением могут быть не только оформленные и четко определенные понятия, но также и метафоры, художественные образы и сюжеты; в этом смысле интеллектуальная история смыкается с историей литературной. Историческая идея менее четко определенная единица, чем культурный код, она может носить характер монады-корпускулы и не обязательно структурируется по значимым оппозициям (такова, например, идея «великой цепи бытия», исследованная Артуром Лавджоем [Лавджой 2001]), и все же своей поливалентностью она сближается с теми единицами культуры, которые выделяла семиотика.

Подобно семиотике культуры, интеллектуальная история исследует исторический процесс, не пытаясь создавать широкомасштабные «большие нарративы». Написать социально-политическую историю человечества или хотя бы какой-то страны — задача, которую еще пытаются кое-где решать, но нет никакой надежды когда-либо создать интегральную историю идей той или иной страны или эпохи. Самое большее можно попытаться составить регионально-исторический словарь понятий определенного разряда, такой как «Словарь индоевропейских социальных терминов» Эмиля Бенвениста [Бенвенист 1995] (этот труд обычно относят не к интеллектуальной истории, а к филологии) или «Основные исторические понятия: исторический лексикон политического и социального языка в Германии», созданный под руководством Рейнхарта Козеллека [Козеллек 2016]. Обычно же исследования по интеллектуальной истории носят частный характер, выделяя какой-то фрагмент общего развития — отдельную идею, отдельную концепцию, отдельное историческое понятие, отдельного автора или школу. Соответственно, и преподавать историю идей приходится скорее на общеметодологическом уровне, излагая разные подходы и приемы ее изучения, а не более или менее законченный нарратив или компендиум исторических сведений (автор этих заметок действует именно так, преподавая в Санкт-Петербургской Высшей школе экономики).

Семиотика культуры имела еще одну особенность — по крайней мере потенциальную, — сближавшую ее с интеллектуальной историей: это актуальность изучаемых исторических объектов. Тартуская семиотика при всем своем академизме и эзотеричности нередко читалась как злободневные суждения о современности: скажем, идея Лотмана и Успенского о дуальных моделях, отличающих русскую культуру от западноевропейской с ее тернарными моделями [Лотман, Успенский 1994], легко применялась к чередованию разных эпох в недавней советской истории, и Владимир Паперный вдохновлялся их типологией культуры, создавая свою актуально-критическую концепцию «культуры 1» и «культуры 2» в политической и художественной истории СССР [Паперный 1996].

В отличие от советской семиотики культуры, актуальность интеллектуальной истории имеет иную природу: она не связана (пока?) с цензурным гнетом и его эзоповским преодолением, но она может изучать генезис идей, сохраняющих действенную силу поныне, — идей живых, а не мертвых. Для интеллектуальной истории нашей страны хорошим примером служит ведущееся во всем мире комплексное исследование того, что я когда-то назвал «русской теорией», — то есть прежде всего эпохальных достижений литературной теории первой трети XX века, таких направлений, как русский формализм или Бахтин и его кружок. Последний случай иллюстрирует и трансдисциплинарность интеллектуальной истории: в мировой науке Бахтин сегодня интересен не только исследователям литературы (им как раз не всегда удается адекватно применять его идеи в своей работе), но едва ли не больше философам, лингвистам, специалистам по cultural studies. Важно также, что в исследовании «русской теории» можно применять синхронический подход — описывать круг ее идей как единовременную систему, своего рода стабильный «культурный код», а не как развивающийся во времени процесс. Дело в том, что идеи формалистов или Бахтина по-прежнему актуальны ныне, по-прежнему оплодотворяют нашу мысль, мы ощущаем себя одновременно их историками и современниками. В таком актуальном переживании кроется, конечно, опасность

презентизма, неправомерной апроприации и модернизации прошлого, которая грозит интеллектуальной истории, как и любой другой. Зато оно помогает избежать другой типичной методологической ошибки — ретроспективной иллюзии, когда исторический генезис идеи принимают за ее истолкование, неявно предполагая, что ее истина лежит в прошлом; на самом деле возможно и обратное: идея могла еще не выявить всех своих потенций, ее истина маячит где-то в будущем.

Заканчивая разговор об интеллектуальной истории, приведем в пример двух ученых, работающих за пределами России, но хорошо и заслуженно известных в нашей стране. Первый из них, Карло Гинзбург, в своих трудах исследует то причудливо-архаичные умственные построения прошлого — скажем, доморощенную космологию итальянского мельника XVI века Меноккио [Гинзбург 2000], — то идейные традиции, дожившие до наших дней и продолжающие работать в современной интеллектуальной культуре: «уликовую парадигму», понятие «остранения» или, совсем недавно, идею «фейк-ньюс» [Ginzburg 2022]. Второй, Михаил Ямпольский, в молодости участвовавший в трудах московско-тартуской школы, иногда занимается дисциплинарно специализированной интеллектуальной историей — например, историей кинотеории [Ямпольский 1993] или же «физиологией символического» в визуальной и политической культуре Нового времени [Ямпольский 2004]; но такая его книга, как «Ткач и визионер» [Ямпольский 2007], представляет собой «черски истории репрезентации», а в значительной части скорее *теории* репрезентации — то есть историю известного круга идей, возникавших и реализовавшихся в самых различных областях культуры, рефлексивной и творческой. Наконец, в книге «Пространственная история» [Ямпольский 2013] он описывает эпизоды истории самого понятия «история»: эта работа является авторефлексивной, а из самого ее названия видно стремление выделить и обосновать в идеях прошлого синхронический — не временной, а пространственный — взгляд на историю, который опять-таки был присущ семиотике культуры.

Исторические идеи хоть и могли (могут) иногда обретать весомую социально-политическую ответственность, но по изначальной природе представляют собой, подобно объектам семиотики культуры, условные, почти «литературные» образования — отсюда их подвижность и поливалентность. Единственный раз, когда Юрий Лотман применил структурно-семиотический метод к анализу настоящих исторических идей (и даже точнее — социально-исторических понятий почти в духе Козеллека), он взял для структурной оппозиции древнерусские понятия «честь» и «слава», соотнесенные по признаку *неравной условности*, неравной семиотичности («честь» — материальная добыча дружины, «слава» — чисто духовный престиж) [Зенкин 2012]. Сходным образом и современная интеллектуальная история нередко обращается к истории таких авторефлексивных идей, которые не просто подвижны и условны в своем функционировании, но и по смыслу своему отсылают именно к семантике условности, неопределенности: в их числе «уликовое» познание и «остранение» у Гинзбурга, «диалог» у Бахтина, а книга Ямпольского «Сквозь тусклое стекло» имеет характерный подзаголовок «20 глав о неопределенности» [Ямпольский 2010]. Исторические идеи могут порой описывать свой собственный модус бытия, и их историк должен обращать внимание на это их свойство, напоминающее один из излюбленных приемов и одновременно объектов семиотики культуры — автометаописание.

Исторически интеллектуальная история не является непосредственной наследницей семиотики культуры, она складывалась параллельно и не всегда в прямом взаимодействии с нею. В то время как семиотика культуры получила наиболее интенсивное развитие в СССР и в более смешанных формах во Франции, интеллектуальная история представляет собой более широкое международное научное предприятие, в рамках которого уже около столетия конкурируют различные подходы. Представляется, однако, что некоторые направления современной интеллектуальной истории находятся в отношении если не филиации, то методологической конвергенции со структуральной семиотикой культуры. В этом смысле они сами ведут себя как подвижные исторические идеи и сами подлежат описанию средствами интеллектуальной истории, показывающей их преемственность и реконтекстуализацию. Попытка такого описания и была предпринята здесь.

Библиография / References

- [Бенвенист 1995] — Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995.
- (Benveniste E. Le Vocabulaire des institutions indo-européennes. Moscow, 1995. — In Russ.)
- [Гинзбург 2000] — Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000.
- (Ginzburg C. Il formaggio e i vermi. Moscow, 2000. — In Russ.)
- [Зенкин 2012] — Зенкин С.Н. История понятий и структуральный метод // Зенкин С.Н. Работы о теории. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 104—112.
- [Козеллек 2016] — Основные исторические понятия: исторический лексикон политического и социального языка в Германии / Под ред. Р. Козеллека. Т. 1—2. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von R. Koselleck. Vols. 1—2. Moscow, 2016. — In Russ.)
- [Лавджой 2001] — Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- (Lovejoy A. The Great Chain Of Being. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Лотман 1992] — Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 34—45.
- (Lotman Ju.M. Fenomen kul'tury // Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1. Tallinn, 1992. P. 34—45.)
- [Лотман 2018] — Лотман Ю.М. О структурализме: Работы 1965—1970-х годов. Таллин: Издательство Таллинского университета, 2018.
- (Lotman Ju.M. O strukturalizme: Raboty 1965—1970-kh godov. Tallinn, 2018.)
- [Лотман, Успенский 1994] — Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 219—253.
- (Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka) // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy: In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 1994. P. 219—253.)
- [Паперный 1996] — Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- (Papernyj V. Kul'tura Dva. Moscow, 1996.)
- [Старобинский 2008] — Старобинский Ж. Действие и реакция: Жизнь и приключения одной пары. СПб.: Владимир Даль: Культурная инициатива, 2008.
- (Starobinski J. Action et réaction. Vie et aventures d'un couple. Saint Petersburg, 2008. — In Russ.)
- [Ямпольский 1993] — Ямпольский М.Б. Видимый мир: Очерки ранней кинофеноменологии. М.: Научно-исследовательский институт киноискусства; Центральный

- музей кино; Международная киношкола, 1993.
(*lampolski M. Vidimyy mir: Ocherki ranney kinofenomenologii. Moscow, 1993.*)
- [Ямпольский 2004] — Ямпольский М.Б. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
(*lampolski M. Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashhenie Leviafana. Moscow, 2004.*)
- [Ямпольский 2007] — Ямпольский М.Б. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
(*lampolski M. Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii. Moscow, 2007.*)
- [Ямпольский 2010] — Ямпольский М.Б. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
(*lampolski M. "Skvoz' tuskloe steklo": 20 glav o neopredelennosti. Moscow, 2010.*)
- [Ямпольский 2013] — Ямпольский М.Б. Пространственная история: Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.
(*lampolski M. Prostranstvennaya istoriya: Tri teksta ob istorii. Saint Petersburg, 2013.*)
- [Ginzburg 2022] — Ginzburg C. Fake News? An Old, New Story // Public lecture at the House of European History. 2022. January 12 (<https://historia-europa.ep.eu/en/agenda/flamboyant-fake-carlo-ginzburg-fake-news-old-new-story> (accessed: 10.10.2022)).